

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

— В начале июня вы встречались с Владимиром Путиным. Какое он произвел на вас впечатление?

— Милейший человек. Задолго до собственно праздника, посвященного 60-й годовщине открытия второго фронта, мне позвонили и сообщили: дескать, Путин скоро летит в Нормандию, и меня избрали членом правительственной делегации. Разумеется, это очень почетно. Во Франции мы с президентом и встретились. Не поверите, но Путин человек душевный, простой. Мне даже показалось, что мы с ним давно знакомы. Позже подошла его жена, мы с ней расцеловались. Пили чай, а я вспоминал о своей молодости, о войне...

Удалось пообщаться с Бушем, он не произвел на меня впечатления. Представляете, он искренне удивился — откуда у меня американские награды!

— Откуда же у вас американские награды? Ведь во время войны вы были гражданином Франции!

— Да, это так. Мои родители русские. Папа — офицер гусарского полка, дворянин. Он родом из Нижнего Новгорода. А мама выросла в Петербурге. Она сестра милосердия, георгиевский кавалер трех степеней. Кстати, моя бабушка по линии мамы — родственница известного польского писателя Генрика Сенкевича. Помните, он получил в 1905 году Нобелевскую премию?

Мои родители познакомились во время Первой мировой в госпитале города Севастополя. Так уж вышло, что и мама, и папа проходили там курс лечения после боевых ранений. Спустя короткое время поженились...

Во время революции 1917 года родители вынуждены были эмигрировать во Францию. Устроились в городе Лион. Вы знаете что-нибудь о Лионе? Да-да, это центр французского производства шелка и бархата.

— Известно, что в эмиграции представители русской элиты, как правило, работали водителями или чернорабочими. Ваши родители постигла та же участь?

— Мои родители просто-напросто повезло. Папа получил должность инженера в универсаме "Grand bazar de Lyon". А мама поначалу не могла найти работу по своей медицинской специальности и шила одежду для богатых людей, как говорят, "от кулор". Позже она устроилась в частную хирургическую клинику ассистентом хирурга. Помню, родители часто повторяли мне: "Мы русские, рано или поздно вернемся в Россию, и ты будешь служить русскому народу". Это было впитано, как здесь говорят, с материнским молоком. Я искренно хотел служить России. Ментал гастролировать по русским городам. Ведь я музыкант, выступал с концертами с четырех лет.

— Так вас можно назвать Моцартом XX века.

— Совершенно верно. Когда мне было три года, чуткие родители подметили, что я проявляю интерес к музыке. Я исполнял сложные по технике произведения, они были под силу только 12-летним. Это благодаря моим рукам. Знаете, у меня были огромные руки. Уже в 4 года выступал на публичных концертах. Французские газеты подняли шум: появился новый Моцарт! Кстати, мне платили за одно выступление столько же, сколько моему отцу за два месяца работы.

В это время во Франции жил Шаляпин. Он прочитал обо мне в прессе и пригласил ко мне своего аккомпаниатора, чтобы тот меня прослушал. Помню, аккомпаниатор приехал к нам домой поздно вечером. Я уже спал. Папа на руках спустил меня в ночной рубашке со второго этажа, где и была моя спальня. Думаю, что я ему понравился, ведь Шаляпин пригласил меня выступать на концерте.

— Известно, что Федор Шаляпин, несмотря на свою известность, был прост в общении. Это правда?

— Разумеется. Вот вам пример — после выступления я ушел за кулисы в артистическую комнату. Следом за мной туда входит Шаляпин. Берет меня на руки, целует и спрашивает: "Твоя мама, папа здесь? Скоро будет антракт, приведи их ко мне". Пришли родители. Федор Иванович погладил меня по голове и настоятельно рекомендовал им: "Ни в коем случае не делайте из сына вундеркинда. Ина-

"А я о вас все знаю! К тому же видел вас во многих фильмах" — такими словами встретил Владимир Путин заслуженного артиста России Глеба Плаксина во Франции во время торжества, посвященных открытию второго фронта.

Сын русского дворянина-эмигранта, он родился и вырос во Франции. Когда ему исполнилось 4 года, парижские газеты назвали его Моцартом XX века, а Шаляпин и Рахманинов прочли ему головокружительную карьеру пианиста...

И вроде бы все складывалось удачно. Если бы не страстное желание — служить России. В начале 50-х он решил уехать в Советский Союз.

С этого момента и начались тяжелые испытания ныне известного актера Глеба Плаксина.

1944 год. Солдат американской армии.

че в 9 лет он будет конченый ребенок". А еще Федор Иванович посоветовал дать мне хорошее музыкальное образование.

— Родители послушались советов Шаляпина?

— Его советов грех не послушаться. Ведь Федор Иванович даже рекомендовал меня профессору парижской консерватории, другу Рахманинова. А консерватория находилась в Париже, и родителей пришлось покинуть Лион. В 10 лет меня приняли в консерваторию.

— А с самим Рахманиновым довелось встретиться?

— Довелось. Скромный, добродушный, милый человек. 13 августа 1939 года после своего выступления в швейцарском городе Люцерн Рахманинов приехал в Париж, чтобы попрощаться с друзьями. Вы, конечно, знаете — Рахманинов эмигрировал в Америку. Он зашел к моему профессору в тот момент, когда я занимался. Мой учитель попросил: "Ну, Глеб, сыграйте что-нибудь для Сергея Васильевича". Я исполнил две короткие пьесы. Рахманинов сказал: "Очень рад, что растает достойная смена". От счастья я словно на крыльях домой летел. А 1 сентября началась Вторая мировая...

— Как отнеслась русская эмиграция к нападению Германии на Советский Союз?

— Все без исключения эмигранты переживали за Россию. Мои русские знакомые включились в борьбу против фашизма. Княгиня Вера Орлова погибла в концлагере — помогла нашим бойцам издавать документы. Мой товарищ по лицу Володя поехал на задание из Парижа в Версаль, а его по дороге перехватили немцы и расстреляли. В консерватории со мной учился Миша, скрипач высочайшего класса, как Давид Ойстрах, — погиб в Париже около площади Республики во время боя с немцами. Правда, помню... жила у нас в доме одна старушка — божий одуванчик. То и дело приговаривала: "Я молюсь за Гитлера. Он победит СССР и вернет мои имения в Бессарабии".

— Вы тоже включились в борьбу?

— А как же? Я служил в партизанском отряде вольных стрелков. Но попал туда весьма оригинальным способом. Я хотел как можно быстрее закончить консерваторию и приступить к активной борьбе против фашистов. Ведь во время учебы у меня была возможность заниматься лишь пассивной борьбой.

— Забрасывали немцев гнилыми помидорами?

— Зачем же? Бросал гнилые гвозди под немецкие машины, да так, чтобы одним или другим концом гвоздь проткнул шину. Рисовал антигитлеровские листовки: Кремлевская стена, перед стеной свастика, нижняя часть свастики в сапогах, верхняя — в одной руке автомат, а в другой кинжал. Посередине голова Гитлера, из-за Кремлевской стены две мощные руки — одна держит серп и косит ногу свастики, а другая — держит молот и дает

прямо по голове Гитлеру. Эти рисунки я рассылал по почте в немецкие учреждения, которые находились в Париже.

А еще у меня в кармане всегда была картошка либо яблоко. Когда проходил мимо немецкого грузовика, оглядывался по сторонам, и, если вокруг никого не было, я затыкала яблоком или картошкой выхлопную трубу. Понимаете? Ведь когда выхлопная труба забита, мотор машины уже не запустит.

— Вас не поймали с полицином?

— Нет. Хотя могли. Ведь регулярно совершались облавы на студентов, которые не имели учетной карточки. Эти карточки свидетельствовали о трудовой повинности оккупационным войскам. У меня, разумеется, карточки не было. Но я их покупал на черном рынке. Поддельные.

Однажды я чуть было не попался. Шел 1943 год, июль, жарко было. За 10 дней до выпускного экзамена я пошел в консерваторию проиграть те произведения, которые мне предстояло исполнять на экзамене. На обратном пути встречаю соседку. Она ждала меня три часа. Она взволнованно так говорит: "Глеб, к вам в дом заходили гестаповцы". Ну я сразу же направился к родному брату Олегу, который жил в другом округе Парижа. Мы решили уехать в провинцию Бретань. Там-то мы с братом и вошли в контакт с партизанами.

— Где вы были, когда американцы открыли второй фронт?

— Мы служили в партизанском отряде, жили на заброшенных фермах вблизи леса. Я быстро научился стрелять. Знаете, как вредили фашистам? О-го-го! И рельсы развинчивали, и указатели дорог ломали, нападали на немцев, которые охраняли склады оружия. Однажды я нашел тяжеленный ящик и решил, что там гранаты. Открываю и вижу — белорусская махорка. Как закричу: "Ребята, есть что курить!". А мы, чтобы подавить голод, курили сушеные листья кукурузы.

Когда узнали об открытии второго фронта, решили уйти к американским войскам. Сперва ушел Олег, а потом и я. Позже с американскими войсками я пошел навстречу Советской Армии.

— Я читала, что после войны вы работали в миссии по репатриации советских граждан. Чем вы там занимались?

— Решил, что я обязан, понимаете, обязан помочь своим соотечественникам. Пришли с братом в штаб миссии и объяснили, что хотим содействовать в освобождении советских граждан. Нас приняли.

Глеб Плаксин в роли шефа германской разведки в фильме "Ошибки резидента".

Моя работа заключалась в следующем: я ходил по барам, фермам, искал наших женщин и детишек. Помогало то, что я носил американскую форму и свободно говорил на четырех языках, в том числе на английском. И ни один немец не мог усомниться в том, что я американский солдат.

— Неужели американскому солдату немцы запросто признавались в том, что они скрывают советских граждан?

— Рассказываю. Захожу в кафе, заказываю кружку пива. Подходит хозяин этого бара, я захожу с ним непринужденный разговор. Он удивляется: "Как вы хорошо говорите по-немецки". Отвечаю: "Да, вот получилось немножко выучить". И вдруг слышу шум какой-то, голоса. Спрашиваю у него, дескать, кто же это шумит? "Советские дети, они работают у меня. Одному 12, второму 14, а третьему 15 лет. Я их кормлю, крышу над головой даю. А они у меня картошку чистят, убираются". Я допил пиво, расплатился и ушел. На следующий день подвезаю к бару на большом "Мерседесе" с откидной крышей. В машине — офицер, солдат за рулем, два автоматчика и я. Хозяин забеспокоился. Я решил успокоить господина:

— Чего ради вернулись в Союз?

— В глубине души я всегда знал, что вернусь на родину родителей. А к 1950 году укрепился в своем решении. Мы с папой (мама к тому времени умерла) решили добиваться выезда в Союз. Для начала получили визу только на выезд в Румынию. Добрались до этой республики. Направились, конечно, первым делом в советское посольство. Чиновники приняли нас сухо и даже холодно. Приказали нам прийти через пару дней. А за это время они связались с Францией, где им посоветовали: ребята хорошие, поберегите. Только спустя десятилетия я понял смысл этого выражения... Так вот. Через два дня мы опять направились в это ведомство. Нам с порога: "Чай, кофе, что желаете?" Сказали, что, дескать, пока наши документы проверят, подготовят анкеты для выезда в СССР, нам придется пожить в Румынии. Тут же выдали документы на аренду роскошной виллы. Там даже рояль для меня был. Короче говоря, мы с папой жили в Румынии 4,5 года. Все это время я работал диктором на радио. Нас выпустили в Союз только в 1955 году.

Глеб ПЛАКСИН:
"Во Франции я выступал перед королевскими особами, а в СССР жил в машине и экономил каждую копейку"

— Как вас встретила родина?

— На границе у меня изъяли все французские газеты, где были отзывы на мои выступления. Забрали книгу о йоге, которую я выписал из Англии. Я за нее заплатил 5 тысяч франков! В то время как токарь первого разряда получал 7,5 тысячи в месяц. Издали все! Совершенно случайно остались две афиши.

— Наверное, как только приехали в Союз, воплотили свою мечту в жизнь — отравились на гастроли?

— Вы издеваетесь? Как только я приехал в Союз, от министерства культуры меня направили в Ленинград на прослушивание в Большой зал консерватории. После того как я перед комиссией исполнил несколько произведений, мне начали задавать вопросы. Под занавес беседы я сказал, что приехал в СССР навсегда и хочу гастролировать. Мне заявили: "Ах вот оно что, вы хотите гастролировать". И гробовая тишина... Попросили зайти через несколько дней. Прихожу. Седоволосый товарищ меня просто огорошил: "Дело в том, что у вас буржуазная трактовка, у нас так не играют". Я возмутился: "Простите, но когда Бах и Бетховен писали свои произведения, идеи социализма еще и в зародыше не было. Как же вы хотите, чтобы бы на советский лад играл их произведения?" Мне в ответ: "Не знаю, это мнение нашей профессуры". В

общем, мне не дали ни концертировать, ни преподавать.

— Казнили себя за то, что решили приехать в СССР?

— Были, конечно, моменты отчаяния и безысходности. Ну как вы думаете, легко мне было, когда мы с моим отцом жили в машине, в "Кадиллаке", на котором приехали из Франции, и съедали в сутки порцию мороженого на двоих, лишь бы сэкономить и купить котлету для моей собаки?

— Кто же вам помог?

— Я устроился аккомпаниатором в Дом культуры и заработал на поездку в Москву. Приехал. Прием принял чиновник в Президиуме Верховного Совета СССР. Он позвонил председателю Ленгориспол-

кома и приказал выделить мне двухкомнатную квартиру. Как сейчас помню, он кричал в телефонную трубку: "Неужели вы не знаете, что репатрианты имеют право на особое отношение!" Но меня обманули. Дали конуру в коммуналку. А квартиру, которая полагалась мне, взял себе чиновник из управления культуры... Даже не хочется говорить о всей этой грязи и гадо-сти... Просто обидно за наш народ!

— Как попали на радио?

— Скорее от безвыходности. Мне нужна была работа, и я пошел на ленинградское радио, в надежде, что дадут место. Мне сказали: дескать в Москве открываются вещание на Африку. Требуется сотрудник, владеющий английским и французским языками. Приезжаю в столицу, прослушался на московском радио, и меня приняли на работу. А как же могли не принять? Ведь еще в консерватории я проходил курс драматического искусства, занимался со знаменитыми дореволюционными актерами. Даже несколько раз выступал в театре Парижа с небольшими ролями. Так что у меня и голос хорошо поставлен, и актерские навыки есть. Трудился на радио до самой пенсии, до 1991 года. Правда, после выхода на пенсию еще 6 лет проработал вне штата.

— Но все же прославились вы ролями в кино. Почему вас приглашали на роли в основном холодного буржуа?

— На "Мосфильме" прозвали, что есть такой человек, который приехал из-за границы и не совсем похож на советского человека. Не удивительно, это я о себе... И действительно, у меня же был западный лоск. Именно поэтому меня приглашали на роли западных героев — генералы, главкомы... Помню, когда американский посол США в СССР Джек Метлок уезжал в Америку, устроил прием, чтобы попрощаться с ветеранами войны. Меня тоже пригласили. На приеме я произнес речь на английском, и Метлок удивился: "Вы, наверное, долго жили в Америке?" Я запротестовал: "Да что вы, мой ноги там никогда не было. Это просто в наших советских институтах так хорошо обучают иностранным языкам".

А еще у меня была роль...

— ...знаменитая роль шефа германской разведки в "Ошибки резидента".

— Именно. Мне интересно было сняться в этой роли. Но если вы обратили внимание, я там снимался только в гражданской одежде. Я никогда не соглашался сниматься в фашистской форме.

— Вам довелось побывать во Франции уже после того, как обосновались в Советском Союзе?

— В 1976 году. Я снова увидел любимый Париж... Знаете, мне тяжело вспоминать об этом. Ведь, с одной стороны, только там, во Франции, у меня прошло золотое время моего творчества. Только во Франции я мог свободно разъезжать по Европе, гастролировать. Вот я вам рассказываю, а у меня аж мурашки по коже... А с другой стороны, уж так я воспитан, Россия — дом родной. Помню, когда я был еще от горшка три вершка, мама часто приговаривала: "Нужно жениться на русской, пусть на крестьянке, но на своей, русской". Так и вышло, правда, моя жена не крестьянка, а инженер-химик. Мы прожили с ней 47 счастливых лет.

— Глеб Васильевич, разъясните все же смысл фразы французского МИДА — "ребята хорошие, поберегите".

— Ах да... Несколько десятилетий спустя после приезда в Советский Союз я встретил одного консула — имя называть не буду. Так вот, он сказал, что если бы нас с отцом выпустили из Румынии в Советский Союз в 1951 году, то посадили бы в концлагерь, а потом расстреляли. Так что я благодарен французам.

— Ваша судьба уж очень напоминает сюжет нашумевшего фильма "Восток — Запад"...

— В этом фильме о нас, эмигрантах, вся правда. Я был на премьере этой картины. После того как вышел из зала, долго не мог говорить. Слезы, понимаете, слезы. Извините... После премьеры нас с супругой пригласили на торжественный прием, где присутствовала Катрин Денев. Для нее я исполнил "Прошальный вальс" Шопена. Моя жена, после того как я закончил играть, печально так сказала: "Я слышала, как ты играешь сотни раз, но никогда ты не исполнял эту вещь так проникновенно..."

— Ваша судьба уж очень напоминает сюжет нашумевшего фильма "Восток — Запад"...

— В этом фильме о нас, эмигрантах, вся правда. Я был на премьере этой картины. После того как вышел из зала, долго не мог говорить. Слезы, понимаете, слезы. Извините... После премьеры нас с супругой пригласили на торжественный прием, где присутствовала Катрин Денев. Для нее я исполнил "Прошальный вальс" Шопена. Моя жена, после того как я закончил играть, печально так сказала: "Я слышала, как ты играешь сотни раз, но никогда ты не исполнял эту вещь так проникновенно..."

Оксана ХИМИЧ.

ВОСТОК

ЗАПАД

Конец 40-х. Известный пианист Плаксин гуляет по улицам Парижа со своей подругой.